

ПАПА-МОХНАТИК

(Быль для детей и взрослых)

Сначала было это так:

Мама штопала чулок, а Миша копался со своими паровозами и вагонами у открытой двери балкона. Была весна, солнышко, и теплый ветерок шалил Мишенькиными кудрями. На балконе неожиданно что-то дважды пискнуло, и Миша насторожился. Затем, он потихоньку поднялся, подбежал на цыпочках к маме и зашептал:

- Мама, мамулька! А на балконе какая-то птичка! На ящике с цветами...

Мама рассеяно спросила:

- Какая птичка, Мишенька?

Мальчик взглянул осторожно на балкон, и снова зашептал:

- Такая.. серенькая, маленькая.. Такая, как воробей.

- И что же она делает, Мишенька?

- Она,.. Мамуська! Она уже на столе! Она собирает крошки... Прыгает и собирает.

Мишенька с восхищением и любопытством глядел и глядел на резваго, круглого воробья, и вдруг от радости так всплеснул руками, что птичка кубарем исчезла за ящиками. Мама подняла голову и улыбнулась:

- Ну вот, Мишенька, ты птичку и спугнул.

Мальчик грустно задумался. Ему было всего семь лет, но был он шустренький и, как постоянно говорила тетя Лиза, - "умненький". Он тихонько прошел к балкону и внимательно осмотрел стол с мелкими остатками крошек, и вдруг глаза его снова радостно блеснули:

- А знаешь, мама? Я опять птичку приловлю!

Миша весело побежал на кухню. Что-то возился он там долго и все приговаривал:

- Птичку приловлю сейчас.. Непременно приловлю птичку...

На улице гудели и выли машины, разносился крик детей, играющих в войну; солнце нагревало асфальт, и его душный запах чувствовался в квартире.

Не отрываясь от работы, мама окликнула:

- А что ты там делаешь, Мишенька?

- Вот увидишь сейчас, мамуська... Я устроил...

Его русая головка показалась в двери. Он бережно нес что-то в двух пригорнях на балкон.

- Мама, только не сердись... Я птичке, совсем немного крошек сделал.

Мама покачала головой, но улыбнулась вслед мальчику. А он с нахальными губами, прошел на балкон и рассыпал по столу раскрошенный хлеб:

- Вот! Теперь, птичка, пожалуйста! Мама! - Гляди!

А дальше было так:

Ранними утрами, когда мама еще спала, Миша босиком пробирался к балконной двери или к окну и осторожно наблюдал, что делается на балконе.

А там, с рассвета, обычно стоял такой воробьиный гам и толкотня - и на ящиках, и на столе, и на полу - что глаза Миши не успевали следить за всем, а мама стонала:

- Ах, Господи!.. никогда по утрам не уснешь...

Воробьи же радостно и жадно клевали крошки, остатки картофеля, а иногда и желтые зернышки пшена, - Мишино угощение; изредка они спорили между собой и даже дрались, а больше - вертели хвостиками, зорко осматривались, чистили клювики о решетку, точно ставили крестики, прыгали и прыгали, перелетали, и все чирикали, а иной раз вдруг раздавался предостерегающий свист, и вся ватага фуркала прочь. Балкон пустел.

Но не на долго: в полдень — по два-три — воробьи снова слетались. Снова начиналась возня, и птичий гам доносился в комнату заманчивой весенней радостью.

Когда приходила тетя Лилия со своей шестилетней Катей, и все усаживались на балконе чай пить, получалась драма: уже чай давно отпит, а тетя и мама разговаривают и разговаривают, сидят и сидят. Миша с Катей иногда даже плакали потихоньку. Потому что воробушки тоже теряли терпение: они проносились мимо балкона, сустились и нетерпеливо чиликали на верхних карнизах, все засматривали вниз, на ящики, а спуститься не ршались. Такая мука была, что Миша порой не выдерживал:

— Мама... Смотри же, мамочка! Птички ведь тоже хотят чай пить!...

Катя подхватывала:

— Ну-да хотят... Скоро вечер, они уснут...

Наконец, обе мамы неохотно поднимались:

— Ах, какие вы несносные! Тут, гляди, дела какие, а вам вот подавай только птичек.

Катя с Мишей быстро подсыпали всюду корм и усаживались в стороне на маленькие складные стулья. Прикрывали глаза и не шевелились.

И вот, один по одному, парами, сперва нерешительно, а затем смелее слетались Мишины гости. Катя совсем замирала, лишь чуть приоткрывая глаза под пушистыми светлыми ресницами. Миша тоже потихоньку косился во все стороны прикрытыми глазами. Потому что птички — это он заметил давно — больше всего боялся его открытых и пристальных глаз.

И воробьи, освоившись, хозяйничали во-всю. Одни с серыми грудками и коричнево-бурыми крыльшками и головками, другие, посерьезней, с черными галстучками и чернеющими палочками; были и со смешными остренькими колпачками на головках, на тоненьких ножках и с серо-желтыми клювами; один всегда прилетал с опозданием, назывался он Куцый: у него вместо хвоста, было какое-то неполное, одно перышко: выходило так, что он был короче других; уж ему не хватало пищи и начиналась всегда легкая ссора. Но самое интересное было впереди, хотя и не всегда: прилетала тоненькая, стройная и легкая зеленоватая птичка а за ней появлялись трое, совсем еще неуверенно летавших ее детишек. Они были маленькие, серо-пушистые, с легкой желтизной на крыльшках, с короткими желтыми клювами и неуклюжими движениями. Когда она прилетала, все гости разлетались, оставался только Куцый, да иногда задерживался в стороне, на краю ящика, какой-то невзрачный воробей: меньше других, перышки то там, то здесь торчат, как у непричесанного вихры, головка какая-то не-то мокрая, не-то мохнатая, да и весь он разлохмаченный и убогий. Миша так его и называл: Мохнатик. Зеленая птичка осторожно и тихо пищада что-то своим детям, они дружно разевали и подымали вверх желтые рты, а она, поочередно, совала им из своего клюва всякую еду. Они быстро проглатывали и звонко, настойчиво пищали, снова подставляли широко открытые рты и опять пищали. Миша и Катя не сводили глаз с птички-мамы и ее детей. И тут гитова была сорваться с места, схватить этих пушистых малышей всех сразу и поцеловать их пискливые головки. А Миша даже делал движения руками, неосторожно открывал глаза, и удивлялся, что при этом птичка-мама не тревожилась, а продолжала кормить, точно зная, что ей никто не помешает. Миша давно заметил, что при этой кормежке Мохнатик обычно сидел не шевелясь и внимательно следил за движениями птички-мамы. И когда она улетала, а за ней скрывались — очень неохотно — ее малыши, Мохнатик все сидел и не шевелился. Даже не боялся Мишиных движений или легких восклицаний.

Катя раз не выдержала: открыла широко сверкающие глазки и радостно протянула:

— Какая прелесть эти маленькие!

Все, что осталось на балконе, дружно вспорхнуло и разлетелось прочь. Миша решительно поднялся:

— Вот и все!

Это называлось: игра в птички.

Через неделю было вот что:

Погода испортилась. Пошел дождик. А когда перестал, все равно было пасмурно и неуютно. Мохнатик что-то не прилетал. Миша в это время довольно удачно нарисовал коня с гордым хвостом, но все же скучал и толкался без балкона. Там было мокро.

А на балконе вдруг послышался дружный писк; Миша от неожиданности бесосторожно кинулся к окну, но прилетевшие трое малышей не дрогнули. Они беспомощно вертелись на ящике и отчаянно поцали. Миша беспокойно оглядел ближайшие верхушки акаций и карнизы, но птички-мамы не заметили. Что же будет? А малыши пищат все громче — от сырости, голода и беспокойства.

Неожиданно на краю ящика появился Мохнатик. Воробушки двинулись к нему с неистовым криком. Он завертел головой по сторонам, еще больше размохнатился и неопределенно затопался на месте. А серо-желтые комочки, с вздетыми к нему клювиками нараспашку, не умолкали, точно заводские игрушки.

Мохнатик слегка поднял одно плечо, встряхнулся и подпрыгнул боком к малышам. Затем, как бы невзначай, стал собирать остатки завтрака и совать по разинутым ртам. Это не совсем удавалось ему и малыши поднимали неистовый крик. Тогда Мохнатик быстро справился: он подвинулся ближе к углу ящика, где осталось побольше картофельных крошек, и дело пошло на лад.

Вся невзрачность Мохнатика точно исчезла. Его движения стали уверенными, быстрыми, он заботливо и ловко подхватывал кусочки, иногда выпадавшие из желтых клювиков, установил очередь кормежки, и деловито обращал внимания на излишний писк.

Миша глядел с открытым ртом и ничего не понимал. А Мохнатик продолжал кормить малышей, и даже точно так же, как птичка-мама, слегка приподымался, наполняя желтые клювики.

Миша оглянулся. Мамы не было в комнате. С забившимся сердцем Миша побежал на кухню:

- Мама, мамуля! Беги скорее! Мохнатик кормит воробьят!

Мама пошла неохотно:

- Ах, Мишенька, всегда-то ты что-нибудь выдумаешь...

Но когда мама увидела, как справлялся Мохнатик за птичку-маму, — дабнулась ласково:

- Какой же он душка!..

Мише ликовал. Миша от радости кинулся было на балкон, но остановился: на ящик вспорхнула зелененькая птичка-мама. Она недоуменно остановилась, чиликнула, и прыгнула к малышам. Мохнатик тот-час же смущенно отодвинулся на свое место и встряхнулся, точно хотел сказать: "фуууу!.. Вот так наработался!"

Миша звонко и радостно засмеялся:

- Мамуля! А ведь Мохнатик настоящий папа!

Остальное было так:

Мохнатик до того привык, что почти неотлучно проводил целые дни на балконе, слегка сторонясь лишь всей воробьиной ватаги. Должно быть его презирали воробьи за постоянно вз"ерошенный вид, за взмокшую голову и слишком большой клюв.

Но птичка-мама смотрела иначе. Она несколько раз в день прилетала кормить малышей, и все чаще, недокормив, уносилась по каким-то делам, лишь чиликнув что-то на прощанье. Мохнатик сейчас же принимался за зелененьких малышей и, накормив до отвала, клювом чесал их под крылышками, под горлышками, и не позволял никому из воробьев приближаться к ним.

Миша совсем подружился с Мохнатиком. Воробей не улетал, как другие, когда Миша выходил на балкон, а однажды, когда Миша принес крошек, так близко подлетел, что задел крылышками Мишины пальцы; мальчик да-

же испугался и отдернул руку.

Вот как раз в этот день пришла Катя, и, после игры в птички, как можно ближе подошла и заговорила с Мохнатином:

- Папа-Мохнатик, а почему у тебя головка не причесанная?

Мохнатик приподнялся и встряхнул крылычками. А Катя снова:

- Мохнатик-Мохнатик, а зачем это у тебя перышко сбоку торчит? Разве это красиво? Посмотри: у меня никаких перышков не торчит.

Катя развела руки и медленно повернулась кругом.

- И что это у тебя за клювик? - большой, черный, как у ворона.

Разве это настоящий клювик? - посмотри, Миша!

Мохнатик попятился и блеснул глазками; Миша же смело приблизился, точно хотел лучше рассмотреть его взлохмаченную фигуру:

- И верно! Безобразный у тебя клювик, Мохнатка!

Тут дети так дружно засмеялись, что воробушек вспорхнул и скрылся за карнизом. А тетя Лиля сказала из комнаты:

- Дети, зачем же вы его обижаете? Он такой славный, такой добрый!

На следующий день был в доме праздник: день рождения Миши. Собрались гости - и взрослые и дети. Мама рассказывала про зеленую птичку, про ее маленьких и про Мохнатика, и все повторяла:

Покажи-ка, Мишенька, папу-Мохнатика.

Но его прождали весь день, да так и не дождались: не прилетел.

Не прилетел Мохнатик и на другой день.

Прошла неделя. Его не было.

Так и не вернулся мохнатый воробышек на Мишин балкон.

Осенью, когда осыпались акации и подул холодный ветер, а в ящиках погасли последние цветы огненных настурций, в доме часто вспоминали о птичке-маме, ее малышах, и тетя Лиля всегда повторяла:

- Напрасно дети обидели Мохнатика.

Тогда взрослые задумывались, а у детей появлялись на щеках слезы.